

УДК 342.4

Конституционная реформа и грани российской государственности

Ю.И. СКУРАТОВ,
 доктор юридических наук, профессор,
 зав. кафедрой конституционного и административного права
 Российского государственного социального университета,
 Россия, г. Москва
 fondpt21vek@yandex.ru

Рассматриваются сложившиеся в юридической науке подходы к реформированию Конституции Российской Федерации 1993 года. По мнению автора, центральным звеном этого процесса должно стать совершенствование конституционной регламентации основных черт, признаков, граней Российского государства, совокупность которых образует сердцевину конституционного строя. Конституционное закрепление граней (признаков) российской государственности должно быть комплексным, сбалансированным, обеспечивать характеристику не только формы, но и содержания, а также сущности нашего государства, его социального назначения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, грани (признаки) российской государственности, поправки к Конституции Российской Федерации.

Приближающийся двадцатилетний юбилей Конституции Российской Федерации 1993 года (далее также — Конституция, Конституция 1993 года) активизировал дискуссию по поводу перспектив развития Основного Закона нашей страны. При этом, как уже было отмечено автором [34, с. 40—41], сложились три основных подхода к проблеме. Первый и до недавнего времени доминировавший заключается в обеспечении стабильности Конституции, отрицании необходимости внесения в нее каких-либо изменений. Признавая, что Конституция 1993 года присущ ряд изъянов, что существуют некоторые несоответствия между ее нормами и политической практикой, фактическими конституционными отношениями, сторонники этой позиции предлагают преодолеть их не путем изменения Конституции (по их мнению, она еще долгие годы должна быть незыблема), а через ее интерпретацию, путем «практического нормотворчества и правоприменения, позволяющего полнее раскрыть заложенный в тексте Конституции правовой смысл» [11, с.27]. Естественно, что приоритетную роль в этом сыграет Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд).

Вторая точка зрения состоит в том, что Конституция 1993 года не должна рассматриваться в качестве священной коровы, в нее должны вноситься изменения, диктуемые потребностями жизни, однако корректировка Основного Закона не должна затрагивать «политическую и правовую сущность существующих институтов» [30, с. 33]. При этом делается вывод, что «реформаторский зуд» в отношении Конституции неуместен [Там же, с. 34]. Данный подход

был практически реализован в 2009 году, когда благодаря внесенным в Конституцию изменениям был введен институт ежегодного отчета Правительства Российской Федерации (далее — Правительство) перед Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Государственная Дума) по итогам своей деятельности, а также по вопросам, поставленным непосредственно парламентом. Кроме того, был увеличен срок полномочий Президента Российской Федерации (далее — Президент) до шести лет, а Государственной Думы — до пяти. При этом авторы этой идеи, по существу, никак не обосновали необходимость соответствующих поправок, а в обществе, научной сфере практически не было никакого-либо обсуждения этих новелл. И если введение процедуры отчетов Правительства преследовало цель несколько скорректировать явно деформированную Конституцией в сторону Президента систему разделения властей, то увеличение срока полномочий Государственной Думы и особенно Главы государства не поддается серьезной аргументации. Во всяком случае, эти поправки не были первоочередными, крайне необходимыми.

Третья точка зрения по вопросу о перспективах развития Конституции заключается в обосновании необходимости внесения в нее не разовых поправок, а проведения продуманной конституционной реформы, предполагающей системное изменение Основного Закона в целях повышения эффективности конституционного регулирования.

Крайним проявлением этой позиции является попытка обосновать своевременность принятия новой конституции Российской Федера-

ции. Так, авторы фундаментального труда «Национальная идея России» констатируют кризисное состояние современного российского общества (замедление экономического развития, углубление социального расслоения общества, деградация социальной сферы, рост коррумпированности власти, ее несменяемость и др.) и полагают, что одна из причин этого — действующая Конституция, олицетворяющая либеральные ценности, которые оказались нежизнеспособными и не отвечающими интересам большинства граждан страны [25, с. 4021—4022]. По их мнению, Конституция не определяет цели и ценности общества, не создает оснований его жизнеустройства во всех сферах жизни страны, игнорирует специфику русской (российской) цивилизации, не предусматривает ответственности государства, разрывает принцип единства прав и свобод человека и гражданина с его обязанностями [Там же, с. 4022]. Авторы разработали научный макет новой конституции России ценностного, жизнеустроительного типа [Там же].

Следует отметить, что каждая из изложенных точек зрения о направлениях развития Конституции имеет определенное рациональное зерно, опирается на аргументы, заслуживающие внимания. Очевидно, что первая позиция ориентирована на общественные запросы, связанные с обеспечением стабильности общества, которая стала значительной ценностью после потрясений 90-х годов. Она подкрепляется реально значимым доводом, что потенциал Основного Закона страны еще далеко не исчерпан, его нормы не стали непосредственно действующим правом, не воплощены в текущем законодательстве. Так, согласно информационно-аналитическому отчету Конституционного Суда об исполнении его решений, принятых в 2012 году и ранее, начиная с 90-х годов не исполнено еще 44 решения, то есть не внесены поправки в законы, необходимость принятия которых установил Конституционный Суд. При этом в 23 случаях речь идет о зафиксированных императивных предписаниях, явно не соответствующих законодательным нормам Конституции страны [31]. Нельзя не учитывать, что для радикального реформирования Основного Закона не созданы и соответствующие правовые предпосылки: до сих пор не принят федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании в Российской Федерации, которое необходимо для пересмотра Конституции.

Второй подход — развитие Конституции путем внесения отдельных поправок, не затрагивающих основ конституционного строя и главу о правах и свободах человека и гражданина, — несмотря на не вполне удачный пер-

вый опыт, прагматичен и жизнеспособен, реализуем на практике. Представляется, что в нынешних российских условиях он наиболее перспективен. Президентом страны 7 октября текущего года внесен в Государственную Думу законопроект «О поправке к Конституции Российской Федерации о Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». Изменение Конституции (ст. 32) сопряжено и с реализацией решения Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) от 4 июля 2013 года, в соответствии с которым норма Конституции о запрете всем гражданам, находящимся в местах лишения свободы, принимать участие в голосовании на выборах, нарушает Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). ЕСПЧ постановил, что такой «автоматический и непропорциональный запрет» нарушает ст. 3 протокола № 1 Конвенции, гарантирующую право на свободные выборы [15]. С изменениями и дополнениями Конституции 1993 года связаны и предложения о превращении Конституционного Суда в некую предварительную инстанцию, рассматривающую жалобы граждан о нарушении Конвенции, которые потребуют наделения этого органа дополнительными правами по проверке конституционности подзаконных нормативных актов любого уровня и судебных решений [19].

Высказано предложение о необходимости закрепления в Конституции процедуры назначения и освобождения Президентом страны Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации как одного из важнейших федеральных правоохранительных органов власти [31].

Перечисленные выше предложения о поправках к Конституции 1993 года наиболее актуальны, сформулированы совсем недавно, в течение года. При этом не следует забывать, что вопрос о поправках к Конституции и даже о конституционной реформе был поставлен уже в 1999 году, то есть спустя шесть лет после принятия Основного Закона, на «круглом столе», проведенном по инициативе Совета по внешней и оборонной политике [16]. За последние годы был сформулирован ряд заслуживающих внимания предложений по совершенствованию Основного Закона [34, с. 43—47]. Примечательно, что с идеей внесения значимых поправок в действующую Конституцию солидарны и многие участники Конституционного совещания 1993 года, активно участвовавшие в разработке Конституции страны. Едва ли не парадоксальной выглядит ситуация, когда в ходе дискуссии, проведенной Президентским центром имени Б.Н.Ельцина, ее участники сделали вывод о том, что изменения

Конституции должны прежде всего заключаться в сокращении «сверхполномочий» Президента [2].

Серьезные аргументы могут быть приведены и в пользу обоснования тезиса о необходимости полномасштабной конституционной реформы в Российской Федерации, не исключая и принятие новой Конституции страны. На наш взгляд, могут быть выделены по меньшей мере пять обстоятельств, дающих основания вести речь о возможности такой реформы в России.

Во-первых, наличие фундаментальных теоретико-методологических просчетов, допущенных при подготовке текста действующей Конституции. Провозгласив главным приоритетом права и свободы человека (не исключено, что в период принятия Основного Закона 1993 года это было в определенной степени оправданно), авторы нарушили социальный баланс между личным и общественным интересом, проигнорировав факторы, обеспечивающие успешное развитие страны как единого социально-политического организма. Следует согласиться с авторами монографии «Национальная идея России» в том, что методология построения Конституции должна основываться «на принципе баланса интересов и достижении общего и всеобщего блага, не отрицая, а приветствуя частное предпринимательство, частную собственность, в определенной степени снижая остроту противоречия между трудом и капиталом, балансируя личные и общественные интересы» [24, с. 4025]. Исправление этого, а также иных концептуальных просчетов (разрыв единства прав и обязанностей, отсутствие принципа ответственности государства и его органов за результаты своей деятельности, отказ от учета в Конституции социокультурных особенностей российской государственности) потребует изменения в том числе глав 1 и 2 Конституции 1993 года, т. е. повлечет за собой принятие новой Конституции.

Во-вторых, в стране наблюдается усиление процесса расхождения между фактической и юридической конституциями (т.е. между реальными политическими отношениями и процессами и их юридическим закреплением в Основном Законе). При этом соответствующие, конституционные по сути, изменения происходят вне рамок Основного Закона. Так, с декабря 1999 года мы живем в рамках другого, Союзного государства «Россия — Беларусь», что никак не отражено в Конституции нашей страны. Значительное изменение фактических конституционных отношений в России, не нашедшее отражения в тексте Основного Закона, связано с созданием в стране восьми федеральных округов, которые существенно из-

менили не только систему государственного управления, но и организацию государственной территории. Вне сферы юридического влияния Конституции оказался важнейший институт фактических конституционных отношений — выборы в Государственную Думу, — который постоянно изменяется в угоду конъюнктурным политическими интересам. Как уже отмечалось, не закреплен в Конституции 1993 года один из важнейших органов правоохранительной системы страны — Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, и т.д. Принятие новой Конституции позволит быстро и эффективно решить эту проблему, привести в соответствие фактические конституционные отношения и их юридическую форму.

В-третьих, нельзя не учитывать, что большое количество конституционных поправок, которые вполне обоснованы и, что называется, «стучатся в дверь», потребует соответствующих качественных изменений. При всей привлекательности внесения разовых поправок в Конституцию этот путь таит в себе опасность превращения Основного Закона в «лоскутное одеяло», то есть утраты органичности, целостности, системности его содержания. Подобная ситуация уже имела место в нашей истории, когда Конституцию РСФСР 1978 года — документ, отражающий принципиально иной тип общественного строя, — путем бесконечных поправок пытались «приспособить» к новой социально-политической обстановке, что привело к задержке разработки и принятия нового Основного Закона. Все это закончилось трагически: политический процесс вышел за правовые рамки, привел к антиконституционным действиям и кровопролитию.

В-четвертых, важнейшим обстоятельством, стимулирующим принятие новой Конституции, как это ни парадоксально звучит, является заложенный в Основном Законе порядок ее изменения и дополнения. Преследуя цель обеспечить стабильность основ конституционного строя, Конституция 1993 года разграничила понятия «поправки» и «пересмотр» Основного Закона. Поправки могут быть приняты согласно ст. 135 Конституции Федеральным Собранием в особом порядке, но они не могут касаться глав 1, 2 и 9 данного акта. Изменения же глав об основах конституционного строя и о правах и свободах человека и гражданина квалифицируются как пересмотр всей Конституции, ведут за собой созыв Конституционного Собрания и решение вопроса о разработке и принятии новой Конституции. Таким образом, даже для изменения одной-двух статей в главах 1 или 2 Конституции прежде всего нужно принять новый Основной Закон. Думается, такую конструкцию вряд ли следует признать удачной.

Наконец, в-пятых, нельзя не учитывать то обстоятельство, что после двадцатилетней задержки с принятием Федерального конституционного закона о Конституционном Собрании 5 марта 2012 года Президент Российской Федерации дал своей Администрации поручение начать работу по подготовке проекта такого закона [3]. Таким образом, сделан первый, хотя и небольшой, шаг, создающий условия для принятия новой Конституции России.

Вместе с тем, оценивая перспективы движения России по пути полномасштабной конституционной реформы, принятия новой Конституции страны, нельзя оставлять в стороне проблему социальных предпосылок этого процесса. Как известно, рассматривая вопрос социальной сущности конституции, Ф. Лассаль утверждал, что «действительная Конституция страны — это фактическое соотношение сил, существующих в стране: писаная Конституция тогда лишь прочна и имеет значение, когда является точным выражением реальных соотношений общественных сил» [20, с. 5]. Очевидно, что с момента принятия Конституции 1993 года не произошло принципиального изменения соотношения социальных сил в российском обществе. Политическое влияние крупной буржуазии, исповедующей либеральные ценности западного образца, не претерпело принципиальных изменений, средний класс не заявил своих политических требований, оппозиционные лозунги не пользуются широкой популярностью. Поэтому правомерен вывод: в настоящее время в стране отсутствуют необходимые социальные и политические предпосылки для крупномасштабной конституционной реформы.

Однако, какими бы неопределенными ни представлялись направления конституционного развития современной России, важнейшим остается вопрос о готовности российской науки конституционного права удовлетворить запросы практики по развитию конституционного законодательства, включая принятие новой Конституции страны. Прежде всего, речь идет о концептуальной проработке вопросов конституционной реформы, создании ее общей доктрины, аккумуляции всех предложений по совершенствованию конституционного законодательства.

Ключевое значение для подготовки проекта новой Конституции России приобретает теоретическая разработка проблемы закрепления в ней сущности и роли (назначения) Российского государства. Государство, наряду с обществом и личностью, — центральный объект конституционного регулирования. От того, насколько точно и адекватно в Основном Законе будет закреплена его роль, во многом зависит харак-

тер его взаимоотношений с личностью, гарантированность прав человека, устройство власти и политический режим. В этом вопросе недопустимы ошибки, конъюнктурные и вкусовые подходы, социальный эгоизм отдельных классов и групп.

Современное государство, как, впрочем, и государство на предшествующих исторических этапах своего развития, представляет собой исключительно многогранное явление. Взаимодействие с иными общественными институтами, сферами общественной жизни накладывает отпечаток на государственную машину, заставляет ее создавать особые механизмы, инструменты, обеспечивающие решение соответствующих задач. Происходят и необходимые структурные, содержательные изменения в природе и социальном назначении государства.

Обозначенных выше граней (признаков) государственности много, они разнохарактерны, взаимоизменяются в зависимости от времени существования, отличаются по глубине воздействия на государственную машину, объему затрат на реализацию соответствующих функций и т.д. С точки зрения конституционного регулирования, наибольший интерес представляют основные, системообразующие грани государства, определяющие его наиболее глубинные, сущностные характеристики. К их числу, безусловно, относится та грань российской и любой государственности, которая определяет его взаимодействие с народом, образовавшим данное государство. Она дает представление о том, как устроена государственная власть в той или иной стране, насколько народ участвует в управлении, политике, принятии ключевых решений по основным вопросам государственной и общественной жизни, в какой мере демократичен существующий в стране политический режим. При гармоничном выстраивании отношений по линии «государство—власть—народ» речь может идти о народном государстве, народовластии, самоуправлении народа.

Важнейший аспект в понимании государства, образующий одну из его граней, связан с взаимоотношениями государства с проживающими на его территории этническими общностями — нациями, народностями, этническими и этнографическими группами. Эта проблема наиболее актуальна для России, на территории которой, как известно, проживают представители более 170 народов. Поэтому государство должно создавать развитую систему регулирования национальных и межнациональных отношений, обеспечивать учет специфических национальных интересов в сфере экономики, социальных отношений, духовной культуры. Поэтому Российская Федерация в идеале долж-

на быть не только общенародным государством (как отмечалось выше), но и государством общенациональным, выражающим интересы всех наций и народов, проживающих на его территории. Общенациональное государство в России представлено в виде федерации.

Важная грань любого, в том числе и Российского, государства связана с характером его взаимоотношений с правом. Речь идет об ответе на главный вопрос: насколько само государство, прежде всего верховная власть, связано в своих действиях правом либо оно ставит себя выше им же принятых законов? Насколько принимаемые законы соответствуют началам справедливости, гуманизма? При положительном ответе на эти вопросы есть основания говорить о правовом государстве.

Наконец, существует еще одна чрезвычайно важная характеристика государства, воплощенная в такой его грани, которая отражает его взаимоотношения с человеком, личностью. Суть этой проблемы состоит в том, какие условия создает государство для жизнедеятельности человека, гармоничного развития личности, обеспечивает предпосылки для ее достойного существования. Речь идет о социальном характере государства, способности его быть государством не для чиновника, а для конкретного человека.

Вполне очевидно, что выделение перечисленных (и иных) граней (признаков) государства весьма условно, относительно. В реальной жизни они переплетены, взаимосвязаны и органично взаимодействуют. Одни и те же государственные органы, виды государственной деятельности одновременно могут быть ориентированы на раскрытие, реализацию нескольких качеств, граней государственности. Вместе с тем «распознавание», выделение различных граней, признаков, характеристик государства дает возможность не только продвинуться в исследовании природы современных государственно-правовых институтов и явлений, но позволяет глубже и полнее оценивать общее состояние развития российской государственности, перспективы и направления ее модернизации, развитие конституционного регулирования.

В ходе исследования этой сложной и комплексной проблемы российского государственного устройства возникает ряд первоочередных вопросов: каков перечень наиболее значимых граней российской государственности? какие из этих граней первичны, а какие вторичны, производны от них? как эти грани между собой соотносятся, взаимодействуют? как в них выражено не только начало дифференциации, но и интеграции? можно ли говорить о них как о системе?

Некоторые ответы на эти вопросы можно найти в действующей Конституции Россий-

ской Федерации. Детальное изучение ее гл. 1 дает возможность определить довольно обширный перечень граней (признаков) российской государственности, которые рассматриваются учеными-конституционалистами как основы конституционного строя [13, с. 121—122]; основы общественного устройства государства [38, с. 55]; система конституционных принципов [6, с. 98]. Ст. 1 Конституции говорит о том, что Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления; ст. 2 характеризует Россию как государство, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью; ст. 3 закрепляет народный суверенитет как принцип Российского государства и регламентирует механизм народовластия; ст. 4 устанавливает принцип государственного суверенитета страны; ст. 5 определяет состав Российской Федерации, детализирует принцип федеративного устройства; в ст. 6 идет речь о таком признаке российской государственности, как гражданство; ст. 7 закрепляет социальный характер Российского государства; ст. 8 и 9 ведут речь о едином экономическом пространстве Российской Федерации, свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств, поддержке конкуренции, свободе экономической деятельности, равной степени признания и защиты частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности как принципах экономической системы государства; о роли земли и других природных ресурсов как основе жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации; ст. 10 закрепляет принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную; ст. 11 определяет органы федерального и регионального уровня, осуществляющие государственную власть в Российской Федерации; ст. 12 устанавливает наличие местного самоуправления в России; ст. 13 учреждает признание в России принципа идеологического и политического многообразия; ст. 15 устанавливает верховенство Конституции Российской Федерации и закона, а также приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, конкретизируя принцип правового государства.

Приведенный перечень свидетельствует о том, что проблема граней (признаков) российской государственности является предметом рассмотрения не только науки общей теории государства и права, но и науки конституционного права и составляет основу такого раздела последней, как теория конституционного государства. Легко заметить, что закрепленный в Конституции 1993 года перечень граней (при-

знаков) российской государственности неоднозначен по характеру, что справедливо привело к попыткам выделить «основополагающие», «родовые» принципы, основы конституционного строя. Так, В.В. Невинский, обобщая соответствующие конституционные нормы, в качестве основополагающих принципов конституционного строя выделяет следующие: высшей ценности человека, его прав и свобод; демократического государства; федеративного государства; правового государства; республиканской формы правления; социального государства [26, с. 14—15]. Такой перечень, набор признаков российской государственности в целом можно признать достаточно полным, отражающим современное состояние конституционного закрепления наиболее значимых граней нашего государства.

Использование категорий «конституционный строй», «основы конституционного строя», «конституционные принципы» дают возможность серьезно продвинуться в исследовании конституционного закрепления граней (признаков) российской государственности. При этом, на наш взгляд, необходимо сделать ряд оговорок. Прежде всего, нельзя в полной мере согласиться с утверждением, что «конституционный строй — это форма (способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство» [13, с. 119]. Если вторая часть высказывания академика О.Е. Кутафина (о конституционном государстве) глубока и перспективна¹, то при всей значимости роли государства в обществе вряд ли возможно весь конституционный строй сводить к этому политическому институту, не заметить, что Конституция выступает как основной закон не только государства, но и общества. В частности, в гл. 1 речь идет об экономической системе, политических партиях, других общественных объединениях, идеологии, местном самоуправлении и иных негосударственных институтах, статус которых определяется Конституцией 1993 года.

Далее. Вряд ли можно согласиться и с тем, что конституционный строй — это лишь форма (или способ) организации государства [13, с. 121 и далее]. Даже простое перечисление приведенных выше конституционных граней (признаков) государства дает основание говорить о том, что в Конституции, пусть и не в полном объеме, дана характеристика не только формы, но и сущности государства, его содер-

жания, осуществляемых им функций. Конституция должна обеспечить комплексный, системный подход в характеристике государства. Следует также согласиться и с Ю.А. Тихомировым в том, что «до сих пор в трактовке государства преобладает элементный подход. А это приводило и приводит к преувеличенной оценке роли одного элемента — публичной власти и недооценке других элементов и, естественно, к утрате их системных связей и взаимных влияний» [39, с. 394]. Далее автор отмечает, что государство как сложнейшая социальная система состоит из нескольких элементов: это граждане (народ, нация, население), это публичная (государственная) власть, это территория и ее границы, это государственные ресурсы (налоги, бюджет, собственность), это установление правового порядка, это официальное представительство в мировом сообществе. Каждый элемент представляет собой своего рода подсистему с собственными частями. Связи между элементами устойчивые и подвижные, и их забвение чревато государственными ошибками [Там же, с. 394—395].

Все перечисленные Ю.А. Тихомировым элементы (подсистемы) Российского государства в том или ином виде нашли отражение в Конституции Российской Федерации. Вместе с тем представляется, что системный характер носит и связь между гранями (признаками) российской государственности, получившими отражение и закрепление в его конституционных принципах. В литературе отмечалось то обстоятельство, что речь должна идти о «системе конституционных принципов», характеризующих основы конституционного строя, обеспечивающих его целостное, логично структурированное восприятие [26, с. 15]. Заметим, что их сердцевину составляют конституционные признаки Российского государства. Однако детального исследования системной связи граней российской государственности, их взаимодействия, за редким исключением¹, не производилось. А главное состоит в отсутствии ответа на вопрос: какая из перечисленных граней государственности является ведущей, основной, системообразующей?

Отвечая на вопрос об иерархии конституционных принципов (основ конституционного строя), профессор Б.С. Эбзеев полагает, что именно принцип демократического государства занимает «доминирующее положение во всей системе принципов, составляющих основы конституционного строя Российской Феде-

¹ Категория «конституционное государство» сравнительно активно разрабатывалась в дореволюционной юридической литературе [17]. К сожалению, в современный период о конституционном государстве применительно к России пишут явно недостаточно, в то время как разработка этой проблемы может дать новый импульс исследованию состояния конституционной законности в России, теории и практики реализации Конституции, конституционной реформе, общей оценке уровня развития конституционализма в нашей стране.

рации, а во многом носит и универсальный характер, поскольку в большей или меньшей степени охватывает своим содержанием все иные принципы и присутствует в каждом положении Конституции» [14, с. 50]. И действительно, на первый взгляд, есть все основания говорить о том, что демократия как политическая составляющая государственности первична, тем более само государство есть прежде всего политическая категория, часть политической системы общества. От того, кому принадлежит политическая (государственная) власть, каковы взаимоотношения государства с народом, какова роль последнего в управлении страной, во многом зависит прочность данного государства, его текущая и стратегическая политика. Вместе с тем нельзя не учитывать, что, говоря о демократии, власти, политике, мы затрагиваем важнейшие категории общественной жизни, но категории *инструментального* порядка, прежде всего олицетворяющие средства решения задач более общего, глубинного свойства — создание нормальных условий для жизнедеятельности и воспроизводства человека — исходной клеточки любого социального организма. Понятие демократии, как правильно отмечает Б.С. Эбзеев, используется Основным Законом для характеристики созданного в России государства, его формы, включая три его основные стороны — форму правления, форму государственного устройства и политический режим [Там же, с. 50—51]. Очевидно, что за пределами этого подхода остается вопрос о сущности государства, содержании его деятельности, социальном назначении.

На наш взгляд, не может претендовать на роль системообразующего, стержневого принципа и положение ст. 2 Конституции о том, что высшей ценностью являются права и свободы человека. Безусловно, роль этого принципа, конституционного постулата в демократической трансформации России трудно переоценить. Вместе с тем научная объективность не позволяет не высказать ряд критических замечаний по поводу этой конституционной формулировки, которая не может рассматриваться как своего рода священная корова, быть вне зоны всестороннего, в том числе критического, научного анализа.

Обращаясь к вопросу о распространенном в науке и на практике толковании ст. 2 Конституции в таком ключе, что речь должна идти о приоритете прав и интересов личности перед государством, С.А. Авакьян справедливо отмечает, что «на самом деле никакого приоритета перед государством нет и быть не может. Ведь

государство — это организация всех граждан данной страны. Государство — единственный из политических организмов, который представляет всех граждан, уважение к конкретной личности, безусловно, должно быть, но она от этого не возвышается над совокупным объединением граждан, характеризуемым как общество и представляемым государством» [1, с. 367]. Названный автор отметил еще один аспект уязвимости формулировки ст. 2 Конституции: закрепляемая в ней конституционная норма о правах и свободах человека «должна быть дополнена еще одной: личность имеет обязанность перед государством; личность обязана считаться с интересами государства» [Там же]. Соглашаясь с приведенными высказываниями, отметим особо, что превращение прав и свобод человека в высшую ценность вольно или невольно принижает коллективные права тех объединений, которые с участием человека создаются в любом обществе. Речь идет о правах семьи, территориального сообщества как субъекта местного самоуправления, трудового коллектива, нации, народа в целом. При всем понимании, что именно человек, личность является первичной клеточкой любого социального организма, трудно согласиться с ситуацией, когда ради реализации прав конкретного человека должны страдать интересы и права жителей города, района, членов более крупных коллективов. Поэтому, как уже отмечалось выше, более правильно в Конституции вести речь о гармоничном *сочетании* прав и свобод человека и гражданина с правами народа, нации, государства, а не постулировать их большую или меньшую ценность.

Конституционный тезис о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина некорректен в силу того, что при всей своей значимости они являются правовыми категориями, то есть инструментальными ценностями. К тому же их наличие в той или иной стране само по себе еще не трансформируется в достойный уровень жизни человека, его благополучие и процветание, то есть не делает человека счастливым. Можно провозглашать в Конституции какие угодно права, но ничего не делать для их практической реализации. Более правильно говорить о том, что одной из высших ценностей является социально полезная цель — обеспечение достойного уровня жизни человека, как и народа в целом.

Права и свободы человека и гражданина не могут быть основой, системообразующей гранью Российского государства еще и поэтому, что являются частью более общего конституционного признака — демократизма государ-

¹ Например, вопрос о соотношении правового и социального государства обсуждается в юридической литературе. См.: [22, с. 5; 23] и др.

ства. Степень демократизма государства проявляется не столько в форме его правления, государственного устройства и политическом режиме, сколько в реальных политических правах и свободах конкретного гражданина.

И, наконец, последнее. Тезис о правах и свободах человека и гражданина как высшей ценности государства некорректен еще и потому, что, как уже подчеркивалось ранее, он «разрывает» важнейшее для правового государства и правопорядка в обществе *единство* прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Мало того, что это единство образует основу юридического механизма действия права и механизма правового регулирования вообще, оно является выражением баланса свободы и ответственности личности, без которого невозможно существование и гражданского общества, и демократического государства.

Ответ на вопрос о том, какая из граней, черт российской государственности является основополагающей, не может быть получен без обращения к определению и анализу сущности государства как социального явления. Именно сущность образует глубинное качество явления, без которого оно теряет свою определенность. Сущность фиксирует в родственных явлениях постоянное, главное на самом высоком уровне обобщения [42, с. 294]. Изучение литературы по общей теории государства дает возможность констатировать, что сущность современного государства заключена в сочетании им как узкоклассовых и групповых интересов господствующей элиты, так и общенациональных потребностей всего общества, всего государственно организованного народа [28, с. 238; 37, с. 46; 21, с. 122]. Таким образом, имеет место своеобразное развитие сущности государства, оно выступает не только как машина классового подавления, но и как инструмент поддержания общественного порядка, выполнения общих задач. Социальную природу государства можно охарактеризовать только с учетом его противоречивых задач, того, что оно является связующей силой цивилизованного общества, а не только машиной подавления угнетенного класса [21, с. 121—122]. При этом «главная функция государства — обеспечение целостности и сохранности общественного организма, которую оно объективно не может не ставить выше любых эгоистических интересов входящих в него групп. В противном случае ему грозит саморазрушение» [37, с. 47].

Удельный вес двух названных выше задач государства (осуществление интересов господствующего класса, слоя и реализация общесоциальных функций, решение «общих дел»), формы и методы их осуществления (мягкие и

жесткие), технология их решения и т.д. на разных этапах исторического развития значительно изменялись. Существенные различия были связаны и с особенностями исторического развития отдельных государств. Вместе с тем общая тенденция последнего времени базируется на росте общественного благосостояния, развитии производительных сил на базе современных технологий и состоит в известном ограничении политического принуждения и насилия, преобладании общих дел и общесоциального регулирования в интересах всего населения страны, а также в качественном изменении характера этих общих дел, преобладании в их содержании мер социальной поддержки и защиты населения. Подобная трансформация сущности государственной организации приводит к появлению государства нового типа — *социального* государства, основная задача которого заключается не просто в ведении общих дел, а в обеспечении достойных условий существования каждого человека, гражданина этой страны. Вполне очевидно, что конституции современных стран не могут не учитывать происходящие в мире изменения и в природе государственных институтов.

В последние годы российские исследователи существенно продвинулись в разработке проблем социального государства. В равной степени этот вывод может быть распространен на представителей философии, экономической науки, социологии, политологии и юриспруденции [12; 33; 8; 35; 9, с. 24—95; 23]. Вместе с тем в теоретическом фундаменте концепции социального государства зияет ряд значительных пустот. Одна из важнейших — слабая разработанность проблемы *социальных отношений*. А вместе с тем именно эти отношения и являются «первичной клеточкой» как социальной системы, так и социального государства. Именно эти отношения представляют интерес и для юридической науки, поскольку они — основной канал передачи «юридической энергии» Конституции и текущего законодательства в социальной сфере.

Социальные отношения имеют важнейшую особенность по сравнению с иными видами общественных отношений (экономическими, политическими, духовными). Она заключена в их двойственности, двуединой природе. Социальные отношения могут рассматриваться не только в узком смысле слова как сфера прямого воспроизводства человеческой жизни, охватывающая непосредственные условия и процессы обеспечения человеческого существования [7, с. 3]. В этом своем качестве они выступают объектом конституционного регулирования наряду с экономическими, политическими и духовными отношениями, соста-

вляя вместе с ними горизонтальную структуру общества. Их же специфика — в интегральной, синтезирующей роли, охвате всех отдельных видов человеческой деятельности [29, с. 98—138]. Именно в этом качестве социальные отношения и образуют вертикальную структуру объекта конституционного регулирования, обеспечивая единство экономических, политических и духовных сфер жизни общества применительно к основным социальным субъектам — личности, коллективам, этническим общностям и народу в целом.

Вопрос о роли социальных отношений в системе конституционного строя, его принципов не получил еще обстоятельной разработки¹. Однако его анализ имеет важное значение не только для понимания основ конституционного строя, его принципов, но и для характеристики природы социального государства в Российской Федерации.

Выделение социальных отношений как особого вида взаимосвязей в рамках основ конституционного строя и объекта конституционного регулирования, во-первых, обогащает содержание данного объекта, который наряду с основными отношениями (экономическими, политическими, духовными) включает как собственно социальные отношения (условия труда, отдыха, социальное обеспечение, образование и т. д.), так и характеристику положения в обществе основных субъектов — личности, коллективов, этнических общностей, народа в целом. Во-вторых, такое выделение обосновывает включение в систему конституционного строя важнейших социальных общностей и коллективов (народа, наций, территориальных объединений), что является дополнительным аргументом в давнем споре отечественных ученых-юристов по поводу правосубъектности народа, наций, других социальных коллективов. В-третьих, выделение социальных отношений в структуре объекта конституционного регулирования и конституционного строя позволяет уточнить рамки, пределы регулирования экономических, политических и идеологических (духовных) отношений.

Указанные отношения регулируются Конституцией Российской Федерации не в полном объеме, а только в плане определения ими условий жизнедеятельности основных социальных субъектов (личности, коллективов, общностей). Другими словами, Конституцией регулируются социально-экономические, социально-политические, социально-культурные отношения.

Понимание специфики социальных отношений дает возможность сделать вывод о необходимости толкования социального государства в узком и широком смысле этого слова, отражающего двуединую природу социальных отношений.

В узком смысле социальное государство обеспечивает надлежащие условия для воспроизводства человека, его защиту, поддержку, достойное существование. Оно предлагает развитие таких наиболее близких и необходимых систем обслуживания его потребностей, как здравоохранение, образование, обеспечивает охрану труда и его достойную оплату, обуславливает создание социальных служб, государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, помощь инвалидам, пожилым людям, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

В широком смысле социальное государство — это государство, гарантирующее высокий уровень развития благосостояния личности и народа в целом, включая эффективную экономическую систему, народовластие, высокий уровень духовной культуры народа. Речь, по сути, идет о том, что создание достойных условий существования человека невозможно без надлежащей экономической основы, демократического порядка управления, при котором воля народа гарантирует принятие соответствующих государственных (политических) решений в интересах всего общества, а также без определенного (достаточно высокого) уровня духовной культуры. Таким образом, социальное государство в широком смысле включает в себя не только социальную сферу, но и сопряженные с ней экономические, политические и духовные отношения, которые выступают в качестве факторов (и гарантов) ее устойчивого развития. Другими словами, генеральная функция государства — реализация «общих дел» — в государстве социальном обеспечивает объективные предпосылки человеческого существования, к числу которых относятся не только природные условия, обеспечение жизни, здоровья человека и нормальной среды его обитания, но и социально-культурные условия (общая свобода, доступ к культурным ценностям, образованию, свобода творчества); экономические условия (частная и иные формы собственности, свобода выбора занятий и т.п.); политические условия (доступ к управлению делами общества, реальное участие в нем, возможность влияния на принимаемые политические решения, гласность и т. д.) [37, с. 47—48].

¹ В последнем исследовании на эту тему лишь констатируется, что конституционное право регулирует «основы ... социальной ... системы ... общества» [41, с. 5—8].

Приведенные выше теоретические положения дают возможность сформировать ряд принципиальных позиций относительно сути, назначения и путей оптимизации конституционного закрепления основных, ведущих граней (признаков) российской государственности.

1. Грани (признаки) российской государственности, будучи закрепленными в гл. 1 Конституции Российской Федерации 1993 года, образуют не только значительную часть конституционного строя нашего государства, но и его сердцевину, а также характеризуют нашу страну как государство правовое и конституционное. Конституционный характер нашего государства определяется совокупностью качественных признаков, обеспечивающих его соответствие современным демократическим международным стандартам.

2. Есть все основания утверждать, что в настоящий момент при конституционном закреплении граней (признаков) Российского государства акцент сделан на характеристике его формы, перечислении элементов инструментального, но вторичного порядка. При всей значимости таких социально-политических явлений и соответствующих ценностей, как власть, права человека, республика как форма правления, федерализм, суверенитет, демократия, они носят инструментальный характер и призваны обеспечить решение задач более общего, глубинного свойства — обеспечение условий для достойной жизни человека, воспроизведения и продолжения человеческого рода, сохранения и развития страны — России — как уникального явления мировой цивилизации.

3. Конституционное закрепление граней (признаков) российской государственности должно быть комплексным, сбалансированным, должно обеспечивать характеристику не только формы, но и содержания, а также сущности нашего государства, его социального назначения. Эта задача может быть обеспечена за счет более детальной регламентации Конституцией Российской Федерации социальных отношений, их места и роли в системе основ конституционного строя России.

4. Конституционное государство в России по своей сущности — это, прежде всего, *государство социальное*, главное, основное назначение которого заключается не просто в решении так называемых общих дел, но в обеспечении достойных условий существования каждого человека и народа в целом. Именно за счет этого и реализуется генеральная функция России как социального государства — гарантиро-

вание целостности и сохранности общественно-го организма, которые государство объективно не может не ставить выше любых эгоистических интересов входящих в него групп. Вместе с тем в современных условиях российская государственность не утратила и своего классового назначения, обеспечивает акцентированный учет политических интересов олигархической буржуазии.

5. Объективная логика конституционного регулирования, опирающаяся на необходимость первоочередного закрепления сущности Российского государства как его главного, устойчивого признака, а также особая роль социальных отношений в системе основ конституционного строя вступают в противоречие с текстом Конституции 1993 года, в которой указание на социальную природу России отсутствует в числе первичных, основных признаков нашего государства, закрепленных в ст. 1 Основного Закона, что невольно порождает мысль о вторичности этого признака¹. Положение усугубляется и тем, что конституционная характеристика Российской Федерации как социального государства «упрятана» в середине гл. 1 Конституции Российской Федерации.

6. Определение социального назначения Российского государства, характеристика его в качестве государства социального должны стать центральной идеей конституционного регулирования основ конституционного строя, это предполагает не только указание на социальное назначение российской государственности в виде служения народу в числе основных первичных его признаков, но и развернутые определения современных функций государства в социальной сфере, более детальную и концептуально выверенную характеристику России как социального государства².

7. Представляется, что в процессе конституционного закрепления граней (признаков) российской государственности должно быть отражено понимание России как социального государства не только в узком (как ориентированного на решение проблем социальной сферы), но и в широком смысле, в единстве всех его инфраструктурных подсистем (экономической, политической, духовно-культурной). Подобный подход позволит придать концептуальное единство построению всей гл. 1 Конституции, посвященной основам конституционного строя. Экономические, политические отношения, духовно-культурная сфера регулируются Основным Законом не сами по

¹ В ходе работы Конституционного совещания при подготовке проекта Конституции Российской Федерации 1993 года, к сожалению, не получили поддержки предложения профессора Б.А. Страшуна и ряда других ученых и политиков о закреплении рассматриваемого признака в статье 1 Конституции [18, с. 353].

² Ряд положений по наполнению конституционной формулы «Россия — социальное государство» разнообразным содержанием сформулировал В.Е. Чиркин [40; 36, с. 10—11].

себе, а прежде всего в той мере, в какой они выступают в качестве факторов, гарантов, обеспечивающих главное, основное назначение государства — сохранение и развитие проживающего на его территории народа.

8. Превращение идеи социального государства (в широком ее толковании) в основной конституционный принцип¹ позволит не только подчеркнуть ее комплексный характер, неразрывную связь государства с экономической системой, социальной организацией общества, культурно-духовной сферой, но и вернет идее государства присущую ей внутреннюю целостность [5, с. 67]. Социальный стержень российской государственности, его генеральное социальное предназначение определенным образом трансформируют все основные элементы государства как системы, требуют определенного экономического уклада, политического устройства общества, организации духовной сферы его жизни. Значительные отклонения элементов государства от общестемного качества могут привести к отчуждению государственных институтов от народа, гражданского общества, утрате ими своего основного назначения (служение народу) и, в конечном счете, приведет к разрушению всего государственного механизма.

9. В публикациях многих российских ученых наблюдается стремление обеспечить слияние, совмещение понятий «правовое» и «социальное» государство, при этом понятие «социальное» рассматривается лишь как характеристика правового государства. Сильное влияние на такого рода понимание социальной и правовой составляющих оказала норма ст. 20 (абз. 1) Конституции ФРГ, где термин «правовое государство» употреблен как единое имя существительное, а термин «социальное» — как прилагательное к нему [10, с. 64].

С подобным подходом согласиться нельзя, и дело не только в терминах. Правовая государственность (так же, как и федеративная форма государственного устройства, республика, демократия и т.д.) является лишь средством, организационным принципом достижения общего блага, что составляет суть социального государства. Кстати, как уже отмечалось, социальное начало доминирует и над экономической, определяя многие ее характеристики. Первичность социального начала в устройстве государства обусловлена и приоритетностью социальных целей как при формировании стратегии общественного развития, так и в деятельности всех ветвей государственной власти.

Отсюда вполне закономерно, что высшим мерилом эффективности правовых средств является их социальная ценность, полезность для общества. В этом смысле вполне можно согласиться с утверждением П.И. Новгородцева, что «социальное государство становится высшей стадией развития государства правового» [27, с. 263].

Поэтому представляется, что формула Конституции Российской Федерации, закрепляющая социальную природу Российской Федерации как отдельную составляющую характеристики российской государственности, более удачна, нежели соответствующая норма ст. 20 (абз. 10) Конституции ФРГ. При этом, как уже отмечалось, после существенной доработки она должна стать стержневой идеей для всей гл. 1 новой Конституции нашей страны.

Список литературы

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. пособие: в 2 т. — М., 2010. Т. I.
2. Авторы Конституции не в восторге от получившегося // *Коммерсантъ*. 2012. 20 дек.
3. Администрация Президента взялась за Конституцию // *Коммерсантъ*. 2012. 19 марта.
4. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. — М., 2003.
5. *Ахматов А.В.* Философия права евразийцев: историко-философский анализ: дис. ... канд. фил. наук. — М., 2009.
6. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. — М., 1999.
7. *Белкин А.А.* Социальное производство и государственное право. — Л., 1991.
8. *Гафуров З.Ш.* Основные модели социально-правового государства // *Вестник юридического факультета РГСУ*. 2008. № 2. С. 5—13.
9. *Глотов С.А., Александров А.Ю.* Конституционно-правовые основы и практика реализации социальной политики в Российской Федерации: новое в российском и международном праве. — М., 2009.
10. Государственное право Германии: в 2 т. — М., 1994. Т. I.
11. *Зорькин В.Д.* Россия и Конституция в XXI веке: взгляд с Ильинки. — М., 2007.
12. *Калашников С.В.* Очерки теории социального государства. — М., 2006.
13. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России. — М., 2002.
14. Комментарий к Конституции Российской Федерации. — М., 2011.
15. *Коммерсантъ*. 2013. 5 июля.
16. Конституционная реформа — не прихоть, а необходимость // *Журнал российского права*. 1999. № 12. С. 3—34.

¹ Попытку реализовать такого рода подход мы находим в трудах евразийца Н. Н. Алексеева, исповедовавшего идею «гарантированного» государства, которую необходимо закрепить в Декларации обязанностей государства в качестве главного содержания основного государственного закона — Конституции [4, с. 374].

17. Конституционное государство: сб. ст. — СПб., 1905.
18. Конституционное совещание: стенограммы, материалы, документы. — М., 1995. Т. 2.
19. Конституционному Суду хотят подкинуть дел // Коммерсантъ. 2013. 27 мая.
20. Лассаль Ф. О сущности Конституции. — М., 1925. Т. 2.
21. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права. — Ростов н/Д., 2010.
22. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7.
23. Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 5—15.
24. Национальная идея России: в 6 т. — М., 2012. Т. IV.
25. Национальная идея России: в 6 т. — М., 2012. Т. VI.
26. Невинский В.В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Российский юридический журнал. 2004. С. 14—15.
27. Новгородцев П.И. Введение в философию права: кризис современного правосознания. — М., 1909.
28. Общая теория права и государства. — М., 1994.
29. Перфильев М.Н., Орлова Л.В. Социальные отношения: методологические проблемы исследования — Л., 1973.
30. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 года. — М., 2008.
31. Приговор с английского: как и зачем будут объединяться Верховный и Высший Арбитражный суды? // Российская газета. 2013. 2 июля.
32. Российская газета. 2013. 6 июня.
33. Россия: путь к социальному государству: материалы Всерос. науч. конф. — М., 2008.
34. Скуратов Ю.И. Развитие Конституции Российской Федерации 1993 года: поправки в Конституцию или конституционная реформа? // Российский юридический журнал. 2009. № 3.
35. Скуратов Ю.И. Социальное государство как институт гражданского общества и конституционного права // Российский юридический журнал. 2008. № 2. С. 24—34.
36. Скуратов Ю.И., Иванин Д.С. Конституционная модель Российского социального государства // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 5.
37. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: курс лекций. — СПб., 1997.
38. Стрекозов В.Г., Казанчев Ю.Д. Государственное (конституционное) право Российской Федерации: учебник. — М., 1995.
39. Тихомиров Ю.А. Суверенитет государств: гарантии стабильности и динамизма // Право и политика. 2012. № 3.
40. Чиркин В.Е. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовые исследования. — М., 2001.
41. Чиркин В.Е. Об объекте конституционного регулирования // Государство и право. 2005. № 4. С. 5—8.
42. Шентулин А.П. Система категорий диалектики. — М., 1967.

Constitutional Reform and the Edges of the Russian Statehood

Yuri I. Skuratov,

Doctor in Law, prof., head of Dept. of Constitutional and Administrative Law
in Russian State Social University,
Russia, Moscow,
fondpt21vek@yandex.ru

The author considers the approach to reforming the 1993 Constitution of the Russian Federation in established in the jurisprudence. According to the author, the central component of this process should be to improve the constitutional regulation of the basic features of the Russian state. The totality of the forms of them is the core of the constitutional order. Constitutional recognition of faces (signs) of the Russian state should be comprehensive and balanced, to ensure not only the characteristic shape, but also the content and the nature of our state and its social purpose.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, faces (signs) of the Russian statehood, the amendments to the Constitution of the Russian Federation.

References

1. Avak'ian S.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: ucheb. posobie v 2 tt. — М., 2010. Т. I.
2. Avtory Konstitutsii ne v vostorge ot poluchivshegosia // Kommersant". 2012. 20 dek.
3. Administratsiia Prezidenta vzialas' za Konstitutsiiu // Kommersant". 2012. 19 marta.
4. Alekseev N.N. Russkii narod i gosudarstvo. — М., 2003.
5. Akhmatov A.V. Filosofii prava evraziitsev: istoriko-filosofskii analiz: dis. ... kand. fil. nauk. — М., 2009.
6. Baglai M.V. Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik. — М., 1999.
7. Belkin A.A. Sotsial'noe vosproizvodstvo i gosudarstvennoe pravo. — Л., 1991.
8. Gafurov Z.Shch. Osnovnye modeli sotsial'no-pravovogo gosudarstva // Vestnik iuridicheskogo fakul'teta RGSU. 2008. № 2. S. 5—13.

9. Glotov S.A., Aleksandrov A.Iu. Konstitutsionno-pravovye osnovy i praktika realizatsii sotsial'noi politiki v Rossiiskoi Federatsii: novoe v rossiiskom v mezhdunarodnom prave. — M., 2009.
10. Gosudarstvennoe pravo Germanii: v 2 t. — M., 1994. T. I.
11. Zor'kin V.D. Rossiia i Konstitutsiia v XXI veke: vzgliad s Il'inki. — M., 2007.
12. Kalashnikov S.V. Ocherki teorii sotsial'nogo gosudarstva. — M., 2006.
13. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Konstitutsionnoe pravo Rossii. — M., 2002.
14. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. — M., 2011.
15. Kommersant". 2013. 5 iiulia.
16. Konstitutsionnaia reforma — ne prikhot', a neobkhodimost' // Zhurnal rossiiskogo prava. 1999. № 12. S. 3—34.
17. Konstitutsionnoe gosudarstvo: sb. statei. — SPb., 1905.
18. Konstitutsionnoe soveshchanie: stenogrammy, materialy, dokumenty. — M., 1995. T. 2.
19. Konstitutsionnomu Sudu khotiat podkinut' del // Kommersant". 2013. 27 maia.
20. Lassal' F. O sushchnosti Konstitutsii. — M., 1925. T. 2.
21. Liubashits V.Ia., Mordovtsev A.Iu., Mamychev A.Iu. Teoriia gosudarstva i prava. — Rostov n/D., 2010.
22. Mamut L.S. Sotsial'noe gosudarstvo s tochki zreniia prava // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 7.
23. Martyshin O.V. Ideia sotsial'nogo gosudarstva i ee protivniki // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 12. S. 5—15.
24. Natsional'naia ideia Rossii: v 6 t. — M., 2012. T. IV.
25. Natsional'naia ideia Rossii: v 6 t. — M., 2012. T. VI.
26. Nevinskii V.V. Osnovy konstitutsionnogo stroia Rossiiskoi Federatsii kak sistema konstitutsionnykh printsipov // Rossiiskii iuridicheskii zhurnal. 2004. S. 14—15.
27. Novgorodtsev P.I. Vvedenie v filosofiiu prava: krizis sovremennogo pravosoznaniia. — M., 1909.
28. Obshchaia teoriia prava i gosudarstva. — M., 1994.
29. Perfil'ev M.N., Orlova L.V. Sotsial'nye otnosheniia: metodologicheskie problemy issledovaniia — L., 1973.
30. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniuu ot 5 noiabria 2008 goda. — M., 2008.
31. Prigovor s angliiskogo: kak i zachem budut ob'ediniat'sia Verkhovnyi i Vysshii Arbitrazhnyi sudy? // Rossiiskaia gazeta. 2013. 2 iiulia.
32. Rossiiskaia gazeta. 2013. 6 iiunia.
33. Rossiia: put' k sotsial'nomu gosudarstvu: materialy Vseros. nauch. konf. — M., 2008.
34. Skuratov Iu.I. Razvitie Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii 1993 goda: popravki v Konstitutsiiu ili konstitutsionnaia reforma? // Rossiiskii iuridicheskii zhurnal. 2009. № 3.
35. Skuratov Iu.I. Sotsial'noe gosudarstvo kak institut grazhdanskogo obshchestva i konstitutsionno-go prava // Rossiiskii iuridicheskii zhurnal. 2008. № 2. S. 24—34.
36. Skuratov Iu.I., Ivanin D.S. Konstitutsionnaia model' Rossiiskogo sotsial'nogo gosudarstva // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2012. № 5.
37. Spiridonov L.I. Teoriia gosudarstva i prava: kurs lektsii. — SPb., 1997.
38. Strekozov V.G., Kazanchev Iu.D. Gosudarstvennoe (konstitutsionnoe) pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik. — M., 1995.
39. Tikhomirov Iu.A. Suverenitet gosudarstv: garantii stabil'nosti i dinamizma // Pravo i politika. 2012. № 3.
40. Chirkin V. E. Konstitutsiia v XXI veke: sravnitel'no-pravovye issledovaniia. — M., 2001.
41. Chirkin V.E. Ob ob'ekte konstitutsionnogo regulirovaniia // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 4. S. 5—8.
42. Sheptulin A.P. Sistema kategorii dialektiki. — M., 1967.